

Борис Шергин

Четыре сказки

Волшебное кольцо

Жили Ванька двоима с матерью. Житьишко было само последно. Ни послать, ни окутацца и в рот положить нечего. Однако Ванька каждой месяц ходил в город за пенсией. Всего получал одну копейку. Идет оногды с этими деньгами, видит – мужик собаку давит:

– Мужичок, вы пошто шшенка мучите?

– А твое како дело? Убью вот, телячьих котлетов наделаю.

– Продай мне собачку.

За копейку сторговались. Привел домой:

– Мама, я шшеночка купил.

– Што ты, дураково поле?! Сами до короба дожили, а он собаку покупат!

Через месяц Ванька пенсии две копейки получил. Идет домой, а мужик кошку давит.

– Мужичок, вы пошто опять животину тираните?

– А тебе-то како дело? Убью вот, в ресторант унесу.

– Продай мне.

Сторговались за две копейки. Домой явился:

– Мама, я котейка купил.

Мать ругалась, до вечера гудела.

Опять приходит время за получкой идти. Вышла копейка прибавки.

Идет, а мужик змею давит.

– Мужичок, што это вы все с животными балуете?

– Вот змея давим. Купи?

Мужик отдал змея за три копейки. Даже в бумагу завернул. Змея и провещилась человеческим голосом:

– Ваня, ты не спокаиссе, што меня выкупил. Я не проста змея, а змея Скарапея.

Ванька с ей поздоровался. Домой заходит:

– Мама, я змея купил.

Матка язык с перепугу заронила. На стол забежала. Только руками трясет. А змея затенулась под печку и говорит:

– Ваня, я этта буду помешшаться, покамес хороша квартира не отделана.

Вот и стали жить. Собака бела да кошка сера, Ванька с мамой да змея Скарапея.

Мать этой Скарапеи не залюбила. К обеду не зовет, по отчеству не величат, имени не спрашивают, а выйдет змея на крылечке посидеть, дак матка Ванькина ей на хвост каждой раз наступит. Скарапея не хочет здесь жить:

– Ваня, меня твоя мама очень обижат. Веди меня к моему папы!

Змея по дороги – и Ванька за ей. Змея в лес – и Ванька в лес. Ночь сделалась. В темной дебри стала перед има высока стена городова с воротами.

Змея говорит:

– Ваня, я змеиног царя дочерь. Возьмем извошыка, поедем во дворец.

Ко крыльцу подкатали, стража честь отдает, а Скарапея наказывает:

– Ваня, станет тебе мой папа деньги наваливать, ты ни копейки не бери.

Проси кольцо одно – золотно, волшебно.

Змеиной папа не знат, как Ваньку принеть, куда посадить.

– По-настоящему, – говорит, – вас, молодой человек, нать бы на моей дочери женить, только у нас есь кавалер сговоренной. А мы вас деньгами отдарим.

Наш Иванко ничего не берет. Одно поминат кольцо волшебное. Кольцо выдали, рассказали, как с им быть.

Ванька пришел домой. Ночью переменял кольцо с пальца на палец. Выскочило три молодца:

– Што, новой хозеин, натъ?

– Анбар муки натъ, сахару-да насыпьте, масла-да...

Утром мати корки мочит водой да сосет, а сын говорит:

– Мама, што печка не затоплена? Почему тесто не окатываш? До ночи я буду пирогов-то ждать?

– Пирого-ов? Да у нас год муки не бывало. Очнись!

– Мама, обуй-ко глаза-те да поди в анбар!

Матка в анбар двери размахнула, да так головой в муку и ульнула.

– Ваня, откуда?

Пирогов напекли, наелись, в город муки продали, Ванька купил себе пинжак с корманами, а матери платье модно с шлейфом, шляпу в цветах и в перьях и зонтик.

Ах, они наредны заходили: собачку белу да кошку Машку коклетами кормят.

Опять Ванька и говорит:

– Ты што, мамка, думаш, я дома буду сидеть да углы подпирашь?.. Поди, сватай за меня царску дочь.

– Брось пустеки говорить. Разве отдадут из царского дворца в эдаку избушку?!

– Иди сватай, не толкуй дале.

Ну, Ванькина мать в модно платье средилась, шляпу широкоперу наложила и побрела за реку, ко дворцу. В палату зашла, на шляпы каждой цветок трясется. Царь с царицей чай пьют сидят. Тут и дочь – невеста придано себе трахмалит да гладит. Наша сватья стала среди избы под матицу:

– Здрасте, ваше велико, господин анператор. У вас товар, у нас купец. Не отдайте ли вашу дочь за нашего сына взамуж?

– И кто такой ваш жених? Каких он родов, каких городов и какого отца сын?

Мать на ответ:

– Роду кресьенского, города вашего, по отечесью Егорович.

Царица даже чай в колени пролила:

– Што ты, сватья, одичала?! Мы в жонихах, как в сору каком, роемся-выбираем, дак подет ли наша девка за мужика взамуж? Пускай-вот от нашего дворца да до вашего крыльца мост будет хрустальной. По такому мосту приедем женихово житье смотреть.

Матка домой вернулась невесела: собаку да кошку на улицу выкинула. Сына ругат:

– Послушала дурака, сама дура стала. Эстолько страму схватила...

– На! Неужели не согласны?

– Обрадовались... Только задачку маленьку задали. Пусть, говорят, от царского дворца да до женихова крыльца мост будет хрустальной, тогда придут женихово житье смотреть.

– Мамка, это не служба, а службишка. Служба вся впереди.

Ночью Иванко переменял кольцо с пальца на палец. Выскочило три молодца:

– Што, новой хозеин, натъ?!

– Натъ, штобы наша избушка свернулась как бы королевскими палатами. А от нашего крыльца до царского дворца мост хрустальной и по мосту машина ходит самосильно.

Того разу, со полуночи за рекой стук пошел, работа, строительство. Царь да царица спросонья слышат, ругаются:

– Халера бы их взела с ихной непрерывкой... То субботник, то воскресник, то ночесь работа...

А Ванькина семья с вечера спать валилась в избушке: мамка на печки, собака под печкой, Ванька на лавки, кошка на шешки. А утром прохватились... На! што случилось!.. Лежат на золоченых кроватях, кошечка да собачка ново помешшенье нюхают. Ванька с мамкой тоже пошли своего дворца смотреть. Везде зеркала, занавесы, мебель магазинна,

стены стеклянны. День, а лампы горят... Толь богато! На крыльцо выгуляли, даже глаза зашшурили. От ихнего крыльца до царского дворца мост хрустальной, как колечко светит. По мосту машинка сама о себе ходит.

– Ну, мама,– Ванька говорит,– оболосись помодне да поди зови анператора этого дива гледеть. А я, как жаних, на машинки подкачу.

Мама сарафанишко сдернула, барыной народилась, шлейф распустила, зонтик отворила, ступила на мост, ей создаи ветерок попутной дунул,– она так на четвереньках к царскому крыльцу и съехала. Царь да царица чай пьют. Мамка заходит резво, глядит весело:

– Здрасте. Чай да сахар! Вчерась была у вас со сватеньем. Вы загадочку задали: мос состряпать. Дак пожалуйте работу принимать.

Царь к окошку, глазам не верит:

– Мост?! Усохни моя душенька, мост!..

По комнаты забегал:

– Карону суда! Пальте суда! Пойду пошшупаю, может, ише оптической омман здренья.

Выкатил на улицу. Мост руками хлопат, перила шатат... А тут ново диво. По мосту машина бежит сухопутно, дым идет и музыка играет. Из каюты Ванька выпал и к анператору с поклоном:

– Ваше высоко, дозвольте вас и супругу вашу всепокорнейше просить прогуляться на данной машинке. Открыть движение, так сказать...

Царь не знат, што делать:

– Хы-хы! Я-то бы ничего, да жона-то как?

Царица руками-ногами машет:

– Не поеду! Стрась эка! Сронят в реку, дак што хорошего?!

Тут вся свита заговаривала:

– Ваше величие, нать проехаться, пример показать. А то перед Европами будет канфуз!

Рада бы курица не шла, да за крыло волокут. Царь да царица вставились в каютку. Свита на запятках. Машина сосвистела, звонок созвонил, музыка заиграла, покатились, значит.

Царя да царицу той же минутой укачало – они блевать приправились. Которы пароходы под мостом шли с народом, все облеваны сделались. К шшасью, среди моста остановка. Тут буфет, прохладительны напитки. Царя да царицу из каюты вынели, слуги поддавалами машут, их в действо приводят. Ванька с подносом кланяится. Они, бажоны, никаких слов не примают:

– Ох, тошнехонько... Ох, укачало... Ух, растресло, растрепало... Молодой человек, мы на все согласны! Бери девку. Только вези нас обратно. Домой поворачивай.

Свадьбу средили хорошу. Пироги из печек летят, вино из бочек льется.

Двадцать генералов на этой свадьбы с вина сгорело. Троих сеноторов в драки убили. Все торжесво было в газетах описано. Молодых к Ваньке в дом свезли.

А только этой царевны Ванька не надо был. У ей в заграницы хахаль был готовой. Теперь и заприпадала к Ваньки:

– Супруг любезной, ну откуда у тебя взелось эдако богасьво? Красавчик мой, скажи!

Скажи да скажи и боле никаких данных. Ванька не устоял против этой ласкоты, взял да и рассказал. Как только он заспал, захрапел, царевна сташшила у его с перста кольцо и себе с пальца на палец переменяла. Выскочило три молодца:

– Што, нова хозейка, нать!..

– Возьмите меня в этих хоробах, да и с мостом и поставьте среди городу Парижу, где мой миленькой живет.

Одночасно эту подлу женщину с домом да и с хрустальным мостом в Париж унесло, а Ванька с мамкой, с собакой да с кошкой в прежней избушке оказались. Только Иванко и жонат бывал, только Егорович с жоной сыпал! Все четверо сидят да плачут.

А царь собрался после обеда к молодым в гости идти, а моста-то и нету, и дому нету. Конешно, обиделся, и Ваньку посадили в казематку, в темну.

Мамка, да кошечка, да собачка христа-ради забегали. Под одним окошечком выпросят, под другим съедят. Так пожилы, помаялись, эта кошка Машка и говорит собаке:

– Вот што, Белой, сам себе на радость никто не живет. Из-за чего мы бьемся?

Давай, побежим до города Парижа к той б...и Ванькино кольцо добывать.

Собачка бела да кошка сера кусочков засушили и в дорогу переправились через реку быстру и побрели лесами темными, пошли полями чистыми, полезли горами высокими.

Сказывать скоро, а идти долго. Вот и город Париж. Ванькин дом искать не долго. Стоит среди города и мост хрустальной, как колечко. Собака у ворот спреталась, а кошка зацарапалась в спальню. Ведь устройство знакомо.

Ванькина молодуха со своим прихотьем на кровати лежит и волшебное кольцо в губах держит. Кошка поймала мыша и свистнула царевне в губы. Царевна заплевалась, кольцо выронила. Кошка кольцо схватила да в окно да по крышам, по заборам вон из города! Бежат с собачкой домой, радехоньки. Не спят, не едят, торопятся. Горы высоки перелезли, чисты поля перебежали, через часты дебри перебрались. Перед има река быстра, за рекой свой город. Лодки не привелось – как попасть? Собака не долго думат:

– Слушай, Маха, я вить плаваю хорошо, дак ты с кольцом-то сядь ко мне на спину, живехонько тебя на ту сторону перепякну.

Кошка говорит:

– Кабы ты не собака, дак министр бы была. Ум у тебя осударсьвенной.

– Ладно, бери кольцо в зубы да молчи. Ну, поехали!

Пловут. Собака руками, ногами хлопат, хвостом правит, кошка у ей на загривки сидит, кольцо в зубах крепит. Вот и середка реки. Собака отдувается:

– Ты, Маха, молчи, не говори, не утопи кольца-то!

Кошка ответить некак, рот занет... Берег недалеко. Собака опеть:

– Ведь, ежели хоть одно слово скажешь, дак все пропало. Не вырони кольца!

Кошка и бякнула:

– Да не уроню!

Колечко в воду и булькнуло...

Вот они на берег выбрались, ревут, ругаются. Собака шумит:

– Зазуба ты наговориста! Кошка ты! Болтуха ты проклята!

Кошка не отстават:

– Последня тварь – собака! Собака и по писанью погана... Кабы не твои разговоры, у меня бы за сто рублей слова не купить!

А в сторонки мужики рыбину только што сетью выловили. Стали черевить да солить и говорят:

– Вон где кошка да собака, верно, с голоду ревут. Нать им хоть рыбины черева дать.

Кошка с собакой рыбины внутренности стали ись да свое кольцо и нашли...

Дак уж, андели! От радости мало не убились. Вижат, катаются по берегу.

Нарадовавшись, потрепали в город.

Собака домой, а кошка к тюрьмы.

По тюремной ограды на виду ходит, хвос кверху! Курнякнула бы, да кольцо в зубах. А Ванька ей из окна и увидел. Начал кыскать:

– Кыс-кыс-кыс!!

Машка по трубы до Ванькиной казематки доцапалась, на плечо ему скочила, кольцо подает. Уж как бедной Ванька зародовался. Как андела, кота того принял. Потом кольцо с пальца на палец переменял. Выскочили три молодца:

– Што, новой хозеин, нать?!

– Нать мой дом стеклянной и мост хрустальной на старо место поставить. И штобы я во своей горницы взелся.

Так все и стало. Дом стеклянной и мост хрустальной поднело и на Русь потащило. Та царевна со своим дружишком в каком-то месте неокуратно выпали и просели в болото.

А Ванька с мамкой, собака бела да кошка сера стали помешшаться во своем доме. И хрустальной мост отворотили от царского крыльца и перевели на деревню. Из деревни Ванька и взял себе жону, хорошу деушку.

Варвара Ивановна

У Якуньки была супруга Варвара Ивановна. И каждой день ему за год казался.

Вот она кака была зазуба, вот кака пагуба. Ежели Якунька скажет:

– Варвара Ивановна, спи!

Она всю ночь жить буде, глаза пучить. А ежели сказать:

– Варвара Ивановна, сегодня ночью затменье предвешшают. Посидите и нас разбудите.

Дак она трои сутки спать будет, хоть в три трубы труби. Опять муж скажет:

– Варя, испекла бы пирожка.

– Не стоишь, вор, пирогов.

А скажет:

– Варя, напрасно стряпню затевашь, муку переводишь...

Она три ведра напекет:

– Ешь, тиран! Чтобы к завтраю съедено было!

Муж скажет:

– Варя, сходим сегодня к тетеньке в гости?

– Нет, к здакой моське не пойдём.

Он другомя:

– Сегодня сватья на именины звала. Я сказал – не придем.

– Нет, хам, придем. Собирайся!

У сватьи гостей людно. Варвара пальцем тычет:

– Якунька, это чья там толстомяса-та девка в углу?

– Это хозяйская дочь. Правда, красавица?

– А по-моему, морда. Оттого и пирогов мало, что она всю муку на свой нос испудрила.

Муж не знат, куда деться:

– Варя, позволь познакомиться. Вот наш почтеннейший начальник.

– Почтеннейший?.. А по виду дак жулик, казнокрад.

Тут хозяйка зачнет положенье спасать, пирогом строптиву гостью отвлекает:

– Варвара Ивановна, отведайте пирожка, все хвалят.

– Все хвалят, а я плюю в твой пирог.

И к Варваре кто придет, тоже хорошего мало. Который человек обрадуется угощению, тот ни фига не получит, а кто ломаться будет, того до смерти запотчует.

Мода пришла – стали бабы платьишки носить ребячи. Варвара наросьне ниже пят сарафанов нашила. Всю грязь с улицы домой притащит. Вот кака Варвара Ивановна была: хуже керосина.

Она и рожалась, дак поперек ехала. Муж из-за такого поведения сильно расстраивался:

– Ах ты... проваль тебя возьми! Запехать разве мне ей на службу. Может, шелкова бы стала?

Вот наша Варвара Ивановна на работу попала. Ежели праздник и все закрыто, дак Варвара в те дни черным ходом в учрежденье залезет и одна до ночи сидит, служит, пишет да считает. А ежели объявят:

– Варвара Ивановна, эта вся будет спешна неделя. Пожалуйста, без опозданий...

Дак Варвара всю эту неделю назло дома лежит. Настанет праздник каковой, Варвара одна в учрежденье работу ломит.

Муж дак за тысячу верст рад бы от этой Варвары уехать, из пушки бы ей рад застрелить.

Оногды идет он со службы, а домой неохота. И видит: дядьки на бочке за город едут. Ах, думает, хорошо б и мне перед смертью на лоно природы.

– Дяденька, подвези!

За папиросу вывезли и Якуньку за город. Стали навоз в яму сваливать. Яма страшна, глубока. Якуня думат:

– В эту бы яму мою бы Варвару Ивановну!

Яма смородинным кустьем обросла. Это Якуня тоже на ус намотал. Домой явился:

– Хотя ноне и лето, ты, Варвара, за город ни шагу!

– Завтра же с утра отправимся! И ты, мучитель, со мной.

Утром бредут за город. Варвара Ивановна, чтоб не по-мужневу было, задью пятится. К ямы подошли, к смородиннику. Якунька заявил:

– Мои ягоды!

– Нет, холуй, мои! Лучче и не подступайся!

Замахалась, скочила в куст, оступилась и ухнула в яму. Якунька прослезился и бросил следом три пачки папирос:

– Прости, дорогая!

Затем домой воротился. Никто его не ругат, никто его не страмит. Самоварчик наставил, сидит, радуется:

– Вот така жисть пошла приятная!

Однако соседи вскоре заудивлялись, почему из Варвариной квартиры ни крику, ни драки не слышать. Донесли в участок, что не на кирпич ли даму пережгли, боле не орет. Начальник вызвал Якуньку:

– Где супруга?

– Дачу искать уехала.

– Смотри у меня!

Якунька до полусмерти напугался:

– Лучче побежу я добывать свою Варварку.

С веревкой полетел к ямы. Припал, слушат... Писк, визг слышать... ..А вот и Варин голосок...

Слов не понять, только можно разобрать, что произношение матерное. Якунька конец разматал. Начал удить:

– Эй, Варвара! Имай веревку! Вылезай!

Удит и чует, что дернуло. Конец высбирал, а в петле кто-то боязкой сидит, не боле фунта. Якунька дрогнул, хотел эту бедулину обратно тряхнуть, а она и проплакала:

– Дяденька, не рой меня к Варвары! Благодетель, пожалей!

– Вы из каких будете?

– Я Митроба, по-деревенски Икота. Мы этга в грезной ямы хранились, митробы, иппузории. Свадьбы рядили, сами собой плодились. И вдруг эта Варвара на нас сверху пала, всех притоптала, передавила. Папиросу жорет, я с табаку угорела. О, така беда! Хуже сулемы эта Варвара Ивановна, хуже карболовой кислоты!

Якунька слушат да руками хлопат:

– Ах да Варвара! Ну и Варвара! А все-таки по причине начальства приходится доставать.

– Якуня, плюнь на их на всех! Порхнем лучче от этого страху в Москву.

– Что делать-то будем?

– Там делов, дак не утянешь на баржи. За спасение моей жисти от Варвары я тебя наделю капиталом. Я Митроба и пойду вселяться по утробам. За меня дохтура примуцца, а я их буду поругивать да тебя ждать. Ты в дом, я из дому.

Якунька шапку о землю:

– Идет! Отвяжись, худая жизнь, привяжись, хорошая!

Митроба завезалась в шелково кашне, на последни деньги билет купила да в Москву и прикатили. На постоялый двор зашли, сели чай пить. Икота в блюде побулькалась, заразговаривала:

– По городу ле в киятры ходить, у меня платье не обиходно, да и на Варвару боюсь

нарвацца. Лучче без прогулов присмотрю себе завтра барыню понарядне да в ей и зайду.

– Как зайдешь-то?

– Ротом. С пылью ле с едой.

– А мне что велишь?

– Ты в газету объяви, что горазен выживать икоты, ломоты, грыжу, дрип.

Утром Якунька в редакцию полетел, а Митроба в окне сидит, будто бы любит уличным движением. Мимо дама идет, красива, полна, в мехах. Идет и виноград немывтый чавкат. Митроба на виноград села, барыня ей и съела. И зачало у барыни в животе урчать, петь, ходить, разговаривать.

Еиной муж схватил газету, каки есть дохтора? И читает: "Проездом из Америки. Утробны, внутренни, икоты, шипоты, черевны болезни выживаю".

Полетели по адресу. Якунька говорит:

– Условия такая. Вылечу – сто рублей. Не вылечу – большой платы просит.

Наложил на себя для проформы шлею с медью. Приехали. Икотка барыниным голосом заговорила:

– Здравствуй, Якунюшка! Вот как я! Все тебя ждала. Да вот как я! Лише звонок, думаю, не Якуня ли! Вот как я!

Якуньке совестно за эту знакому:

– Ладно, ладно! Уваливай отсель!

Икота выскочила в виде мыша, только ей и видели. Больна развеселилась, кофею запросила. Американского дохтура благодарят, сто рублей выносят.

Теперь пошла нажива у Якуньки. Чуть где задичают, икотой заговорят, сейчас по него летят. У Якуни пальтов накуплено боле двадцати, сапогов хромовых, катанцей, самоваров, хомутов, отюгов бывает пятнадцать.

Бедну Митробу на дому в дом, из души в душу гонит, деньги хапат. Дачу стеклянну строить зачал, думал – и век так будет. Однако на сем свете всемо конец живет. Окончилась и эта легка нажива.

Уж, верно, к осени было. Разлетелся Якунька одну дамочку лечить, а Икота зауросила:

– Находилась более, нагулялась!.. Пристала вся!

Якуня тоже расстроился:

– Ты меня в Москву сбила! А кто тебя от Варвары спас?

– Ну, черт с тобой! Этта ешше хватай, наживайся! А далеша! Я присмотрела себе подходяшшу особу, в благотворительном комитете председателыу. В ей зайду, подоле посижу. Ты меня не ходи гонять. А то я тебя, знахаря-шарлатана, под суд подведу.

Якунька удобел:

– Ну, дак извод с тобой, боле не приду. Не дотрону тебя, чертовку!

Получил последню сотенку, тем пока и закончил свою врачебную прахтику. А Икотка в председателыу внедрилась. Эта дамочка была така бойка, така выдумка, на собраньях всех становит. Резво говорит – часа по два, по три рот не запирает. Вот эдак она слово взяла, рот пошире открыла, Митроба ей туда и сиганула.

Даму зарозбирало, бумагами, чернильницами зачала на людей свистать. Увезли домой, спешно узнают, кто по эким болезням. В справочном бюро натакали на Якуньку.

Якунька всеми ногами упирается:

– Хоть к ераплану меня привяжите – нейду!

Забегали по больницам, по тертухам, по знахарикам. Собрали на консилиум главную профессуру. Старший слово взял:

– Науке известны такие факты. Есь подлы люди. Наведут, дак в час свернет. В данном случае напушшено от девки или от бабы от беззубой. Назначаю большой десеть баен окатывать с оружейного замка.

Другой профессор говорит:

– И я все знаю скрозь. По-моему, у их в утробы лиситер возрос. Пушшай бы больна селедку-другую съела да сутки бы не попила, он бы сам вышел. Лиситер полдела выжить.

Третий профессор воздержался:

– Мы спину понимаем, спину ежели тереть. А черев, утробы тоись, в тонкось не знам. Вот бабка Палага, дак хоть с торокана младень – и то на девицу доказать может.

Ну, они, значит, судят да редят, в пятки колотят, в перси жмут, в бани парят, а больна прихворнула пушше. Знакомы советуют:

– Нет уж, вам без американского дохтура не сняцца.

К Якуньки цела делегация отправилась:

– Нас к вам натакали. Хоть двести, хоть триста дадите, а без вас не воротимсе.

Якунька весь расслаб:

– От вот каких денег я отказываюсь!.. Сам без прахтики живу, в изъян упал.

Он говорит:

– Ваш случай серьезной, нать всесторонне обдумать.

Удалился во свой кабинет, стал на голову и думал два часа тридцать семь минут. Тогда объявил:

– Через печать обратитесь к слободному населению завтра о полден собратсья под окнами у недомогающей личности. И только я из окна рукой махну, чтобы все зрели не по-хорошему:

– Варвара Ивановна пришла! Варвара Ивановна пришла.

Эту публикацию грамотной прочитал неграмотному, и в указанной улицы столько народу набежало, дак трамваи стали. Не только гуляющие, а и занятой персонал в толпе получился. Также бабы с детьми, бабы-молочницы, учащиеся, инвалиды, дворники. Все стоят и взирают на окна. Якунька подкатил в карете, в новых катанцах, шлея с медью. Его проводят к больной. Вынимат трубку, слушат...

Митроба на его зарычала:

– Зачем пришел, собачья твоя совесть?! Мало я для тебя, для хамлета, старалась? Убери струмент, лучше не вяжись со мной!

Якунька на ей замахался:

– Тише ты! Я прибежал, тебя, холеру, жалеючи. Варвара приехала. Тебя ишшет!

У Митробы зубы затрясло:

– Я боюсь, боюсь!.. Где она, Варвара-та?

Якунька раму толкнул, рукой махнул:

– Она вон где!

Как только на улице этот знак увидали, сейчас натобили загудели, трамваи забрякали, молочницы в бидоны, дворники в лопаты ударили, и вся собравшаяся масса открыли рот и грянули:

– Варвара Иванна пришла! Варвара Иванна пришла!

Икота из барыни как пробка вылетела:

– Я-то куды?

– Ты, – говорит Якунька, – лупи обратно в яму. Варвара туда боле не придет!

Народ думают – пулей около стрелили, а это Митроба на родину срочно удалилась. Ну, там Варваре опять в лапы попала.

А Якунька, деляга, умница, снова, значит, заработал на табачишко...

Золоченые лбы

На веках некоем осударстве царь да ише другой мужичонко исполу промышляли. И поначалу все было добрым порядком. Вместях по рыболовным становищам болтаются, где кака питва идет, тут уж они первым бесом. Царь за рюмку, мужик за стакан. Мужичонка на имя звали Капитон. Он и на квартире стоял от царя рядом.

Осенью домой с моря воротяцца, и сейчас царь по гостям с визитами заходит, по главным начальникам. Этот Капитонко и повадился с царем. Его величию и не по нраву стало. Конечно, это не принято.

Оногды амператора созвали ко главному сенатору на панкет. Большой стол идет: питье, еда, фрелины песни играют. Осударь в большом углу красуется. В одной ручки у его четвертна, другой рукой фрелину зачалил. Корона съехала на ухо, мундер снят, сидит в одном жилету. Рад и тому, бажоной, што приятеля нету.

Вот пир к концу заприходил. Царицы Аграфены пуще всех в голову вином ударило. И как только ейной адъютант Королев в гармонь заиграл, она вылезла середка залы и заходила с платочком, запритапывала:

Эх, я стояла у поленницы, у дров.
По угору едет Ваня Королев.
Отчего далеко видела:
От часов цепочка светила.
Цепочка светила в четыре кольчика,
У милого нету колокольчика.
У милого коробок, коробок,
Я гуляю скоро год, скоро год!

Сенаторы, которы потрезве, смеются:

– Хы-хы! При муже кавалера припеват. Вот до чего – и то ничего.

И вдруг это веселье нарушилось. Капитонко в залу ворвался, всех лакеев распехал, увидел, что царица Аграфена утушкой ходит, сейчас подлетел, ногами шаркнул и заходил вокруг ей вприсядку, с присвиством.

Песню припеват:

Разве нищие не пляшут?
Разве песен не поют?
Разве по миру не ходят?
Разве им не подают?

А у самого калошишки на босу ногу, у пинжачонка рукав оторван, карманы вывернуты. Под левым глазом синяк. И весь Капитон пьяне вина! Царь немножко-то соображает. Как стукнет по столу да как рывкнет:

– Вон, пьяна харя! Убрать его!

Капитонко царя услышал, обрадовался, здороваться лезет, целоваться:

– На, пес с тобой, ты вот где? А я с ног сбился, тебя по трактирам, по пивным искавши!

Придворны гости захикали, заощерялись. Это царю неприлично:

– Кисла ты шерсь! Ну куда ты мостиссе?! Кака я те, пьянице, пара? Поди выпись.

Капитонку это не обидно ли?

– Не ты, тиран, напоил! Не тебя, вампира, и слушаю! Возьму батог потяжеле, всех разбросаю, кого не залюблю!

Брани – дак хоть потолочком полезай. Царь с Капитоном драцца снялись.

Одежонку прирвали, корону под комод закатали. Дале полиция их розняла, протокол составили.

С той поры Капитона да амператора и совет не забрал. И дружба врозь.

Мужичонко, где царя увидат, все страшат:

– Погоди, навернессе ты на меня. Тогда увидам, которой которого наиграет.

Судятся они друг со другом из-за каждого пустяка. Доносят один на другого.

Чуть у царя двор не убрали или помойну яму запакостили, мужичонко сейчас ко квартальному с ябедой.

Вот раз царь стоит у окна и видит: Капитонко крадется по своему двору (он рядом жил) и часы серебряны в дрова прятают. Уж верно крадены. Царь обрадовался:

– Ладно, забуба! Я тебе наряду на кривое-то веретено.

Сейчас в полицию записку. У мужика часы нашли – и самого в кутузку. Он с недельку отсидел, домой воротился. И даже супу не идет хлебать, все думат, на царя сердце несет. Вот и придумал.

У царя семья така глупа была – и жена, и дочки, и маменька. Цельной день по окнам плятятся, кивают, кавалерам мигают, машут. Царь их никуда без себя не пускает в гости. Запоежжат на войну ли, на промысел – сейчас всех в верхней этаж созбирает и на замок закроет.

А в окурят тот год, как промеж царем да Капитонком остуда пала, в царстве сахару не стало. Капитонко и придумал. Он в короб сору навалил, сверху сахаром посыпал да мимо царский дворец и лезет, пыхтит, тяжело несет...

Царские маньки да ваньки выскочили:

– Эй, мужичок! Откуда эстольку сахару?

– На! Разве не слыхали? Заграничны пароходы за Пустым островом стоят, всем желающим отсыпают.

Ваньки-маньки к царю. Царь забегал, зараспоряжался:

– Эй, лодку обряжай! Мешки под сахар налаживай!

Аграфена с дочкой губы надувают:

– Опять дома сидеть... Выдал бы хоть по полтиннику на тино, в тиматограф сходить. Дома скука, вот так скука дома!

Царь не слушат:

– Скука? Ах вы лошади, кобылы вы! Взяли бы да самоварчик согрели, граммофон завели да... пол бы вымыли.

Вот царь замкнул их в верхнем этаже, ключ в контору сдал, мешки под сахар в лодку погрузили и, конешно, пива ящик на свою потребу. Паруса открыли и побежали за Пустые острова. С царем свиты мужика четыре. Провожающий народ на пристани остался. Все узнали, што царь по сахар кинулся. Капитонко украулил, што царя нету, сейчас модной сертук напрокат взял, брюки клеш, камаши с калошами, кепку, вместо бороды метлу, штобы не узнали. Потом туес полон смолы, пеку черного налил, на голову сдынул, идет по городу да вопит:

– Нет ли лбов золотить?! А вот кому лоб золотить?

К царскому дворцу подошел да как вякнет это слово:

– А нет ли лбов золотить?!

Царева семеюшка были модницы. Оне из окна выпехались, выпасть рады.

– Жалам, мы жалам лбов золотить! Только ты, верно, дорого спросишь?

– По причине вашей выдающей красоты отремонтируем бесплатно. К вам которой затти?

– Мы сидим замчены и гостей к себе на канате, на блочку подымам.

Вот они зыбочку спустили, тот примостился:

– Полный ход!

У Аграфены сипы не хватат. Мужик тяжелой, да смолы полпуда. Аграфена девку да матку кликнула. Троица за канат ухватились, дубинушку запели:

Эх, што ты, свая наша, стала!
 Эх, да закопершика не стало!
 Эй, дубинушка, ухнем!
 Эй, зеленая, сама пойдет!

Затянули Капитона. На диван пали, еле дышут:

– Первой экой тяжелой мужик. Вы откулешны будете, мастер?

– Мы европейских городов. Прошлом годе англиску королеву золотом прокрывали, дак нам за услуги деплом из своих рук и двухтрубной мимоносец для доставки на родину. Опеть французскому президенту, извините, плешь золотили.

– А право есть?

Капитонко им стару квитанцию показыват, оне неграмотны, думают – деплом.

– А, очень приятно. Этого золота можно посмотреть?

– Никак нельзя. Сейчас в глазах ослепление и прочее. Во избежание этого случая, докамест крашу и полирую, глаз не отворять. Пока не просохнете, друг на дружку не глядеть и зеркало не шевелить.

Царицы жалко стало золота на бабку:

– Маменька-та стара порато, уж, верно, не гожа под позолоту-ту... Маменька, ты в позолоту хошь?

– Ась?

– Хошь, говорю, вызолотище?

– Ась?

– Тьфу, изводу на тебя нету! Вот золотых дел мастер явился. Хошь, обработат?

– Ну как не хотеть? Худо ли для своо умиления к празднику вызолотища!

Капитон их посадил всех в ряд.

– Глазки зашшурьте. Не моги никотора здреть!

Он смолы поваренкой зачерпнул – да и ну ту, да другу, да третью.

– Мастер, што это позолота на смолу пахнет?

– Ничево, это заготовка.

А сам насмаливает. Мажет, на обе щеки водит. У их, у бажоных, уж и волосья в шапочку слились. А он хвалит:

– Ах кака прелись! Ах кака краса!

Те сидят довольнехоньки, только поворачиваются:

– Дяденька, мне этта ишше положь маленько на загривок...

Капитон поскреб поваренкой со дна. Потяпал по макушкам.

– Все! Ну, ваши величия! Сияние от вас, будто вы маковки соборны. Сейчас я вас по окнам на солнышко сохнуть разведу.

Аграфену в одно окно посадил, девку в друго, а бабенька на балкончик выпросилась.

– Меня,– говорит,– на ветерку скоре захватит.

Мастеру некогда:

– Теперь до свидания, оревуар! Значит, на солнышке сидите, друг на дружку не глядите, только на публику любуйтесь. Папа домой воротицца, вас похвалит, по затылку свой колер наведет. Ему от меня привет и поцелуй.

Тут Капитон в окно по канату, да только его, мазурика, и видели. У царя дом глазами стоял на площадь на большпу, на торгову. Там народишку людно. Мимо царской двор народу идет, как весной на Двины льду несет. Окна во дворце открыты, как ворота полы. В окнах царска семья высмолены сидят, как голенишша черны, как демоны. Бабушка на балконе тоже как бугирь какой.

Народ это увидел и сначала подумали, што статуи, негритянска скульптура с выставки куплена. Потом разглядели, што шевелятся,– россудили, што арапы выписаны ко двору. А уж как царску фамилию признали, так город-от повернулсся. Учали над черными фигурами

сгогатывать. Ко дворцу со всех улиц бежат, по дороге завязываются. Матери ребят для страху волокут:

– Будете реветь, дак этим черным отдаим!

Мальчишки свистят, фотографы на карточку царскую семью снимают, художники патреты пишут... О, какой страм!

Напротив царского дома учреждение было – Земной удел. И тут заседает меницинской персонал. Начальники-ти увидали царску фамилию в таком виде народно скопление. Не знают, што делать. И тут ише явились извошшишьи деликаты. На коленки пали и сказали:

– Господа начальники! Бабенька царская, прах с има, в черном виде на балконе сидят, дак у нас лошади бросаются, седоки обижаются, двоих седоков убило. Пропа-а-ли наши головушки! И-и-хы-хы-хы-ы!

Извошшики заплакали, и все заплакали и сказали:

– Пойдемте всенародно умолять ихны величия, не пожалеют ли, пожалуете, простого народу!

Вот запели и пошли всема ко дворцу. Выстроились перед палатами в ширинку, подали на ухвате прошение. Аграфена гумагой машет да кивает. И бабка ужимается, и девка мигает. Оне думают – народ их поздравлять пришел.

Што делать? Нать за царем бежать. А всем страшно: прийти с эдакой весью, дак захвоснет на один взмах. Однако главной начальник сказал:

– Мне жись не дорога. На бутылку дайте, дак слетаю.

Чиновники говорят:

– Ура! Мы тебе ераплан либо там дерижаб даим, только ты его за границу не угони.

Начальник в ераплан вставился, от извошшиков деликат в кучера. Пары розвели, колесом завертели, сосвистели. Ух, порхнули кверху, знай держи хвосты козырем!

Пока в городе это дело творница, царь на Пустых островах в лютой досады сидит. Ехал ни по што, получил ничего. Ехал – ругался, што мешков мало взяли, приехал – сыпать нечего. Ни пароходов, ни сахару; хоть плачь, хоть смейся. Сидит егово величие, пиво дует. В город ни с чем показаться совестно. Вдруг глядит – дерижаб летит. Машина пшикнула, пар выпустила, из ей начальник выпал с деликатом. Начальник почал делать доклад:

– Ваше высоко... Вот какие преднамеренны поступки фамилия ваша обнаружила... Личики свои в темном виде обнародовали. Зрителей полна площадь, фотографы снимают, несознательны элементы всякие слова говорят...

Царь руками сплескался – да на дерижаб бегом. За ним начальник да деликат.

Вставились, полетели. Деликат вожжами натряхиват, начальник колесом вертит, амператор пару поддает, дров в котел подкидыват... Штобы не так от народу совесно, колокольчик отвязал.

Вот и город видать, и царски палаты. На площади народишко табунится. Гул идет. Меницинской персонал стоит да кланеится. Мальчишки в свистюльки свистят, в трумпетки трубят. Царь ажио сбрусвянел:

– Андели, миру-то колько! Страм-от, страм-от какой! Деликат, правь в окно для устрашения!

Народ и видит – дерижаб летит, дым валит. Пра-аз! В окно залетели, обоконки высадили, стекла посыпались, за комод багром зачалились. Выкатил царь из машины – да к царицы.

– Што ты, самоедка... Што ты, кольско страшилишшо!

Аграфена засвистела:

– Ра-а-атуйте, кто в бога верует!!

Царь дочку за чуб сгорстал. У ей коса не коса, а смолена веревочка.

Царь на балкон. Оттуда старуху за подол ташшит, а та за перила сграбилась да пасть на всю площадь отворила.

Народ даже обмер. Не видали сроду да и до этого году. Еле царь бабку в комнату заволок:

– Стара ты корзина! Могильна ты муха! Сидела бы о смертном часе размышляла, а не то што с балкона рожу продавать.

Вот она все трое сидят на полу – царица, бабка да дочка – и воют:

– Позолоту-ту сби-и-л, ах, позолоту-ту сгубил! Ах, пропа-а-ла вся краса-а!..

– Каку таку позолоту?!

– Ведь нас позолотили, мы сидели да сохли-и.

– Да это на вас золото??? Зеркало сюда!..

Ваньки-маньки бежат с зеркалом. Смолены-ти рожи глаза розлепили, себя увидали, одночасно их в омморок бросило.

Полчасика полежали, опять в уме сделались. Друго запели:

– Держите вора-мазурика!.. Хватайте бродягу!

Царь кулаком машется:

– Сказывайте, как дело было.

Вот те в подолы высморкались, утерлись, рассказывают... Царь слушал и сам заплакал:

– Он это! Он, злодей Капитонко, мне налил... Он, вор, меня и из города выманил. Не семья теперь, а мостова асфальтова! Ишь пеком-то вас как сволокло... Охота народ пугать, дак сами бы сажи напахали, да розвели, да и мазали хари-ти... Дураки у меня и начальники. Кланяться пришли... Взяли бы да из пожарного насоса дунули по окнам-то. Холеры вы, вас ведь теперь надо шкрапить...

– Ничего, папенька, мы шшолоку наварим, и пусть поломойки личики наши кажно утро шоркают.

Царь побегал-побегал по горнице, на крыльцо вылетел.

Народишко, который ради скандалу прибежал, с крыльца шарахнулся. Царь кричит:

– Стой! Нет ли человека, кто мужика со смолой в рожу видел?

Выскочили вперед две торговки, одна селедошница, друга с огурцами:

– Видели, видели! Мушшина бородатый в сертуке туда полз с туесом, а обратно порозной.

– В котору сторону пошел?

– А будто по мосту да в Заречье справил.

– Тройку коней сюда! – царь кричит.

Тройку подали. Царь с адъютантом сел, да как дунули-дунули, только пыль свилась да народ на карачки стал. Через мост, к зарецким кабакам, перепорхнули. Катают туда-сюда, спрашивают про Капитонка:

– Тут?

– Нет, не тут.

– Тут?

– Нет, не этта!

Буди в канской мох мужичонко провалился... А Капитонко ведь там и был.

Учуял за собой погоню – бороду, метлу-ту, отвязал, забежал в избушку. Там старуха самовар ставит, уголье по полу месит.

– Ты, бабушка, с чем тут?!

– Чай пить средилась. А ты хто?

– Чай пить?! Смертной час пришел, а она чай пить... Царь сюда катит, он тя застрелит.

– Благодетель, не оставь старуху!

– Затем и тороплюсь. Скидовой скорей сарафанишко да платок, в рогозу завернись да садись под трубу заместо самовара.

Живехонько они переменялись. Капитонко уж в сарафане да в платке по избы летат, самовар прячет, бабку в рогозу вертит, на карачки ей ставит, самоварну трубу ей на голову нахлобучил:

– Кипи!

Тут двери размахнулись, царь в избу. Видит – старуха около печки обрежаится:

– Бабка, не слыхала, этта мужик в сертуке мимо не ехал?

А Капитонко бабьим голосом:

– Как не видеть! Даве мимо порхнул, дак пылк столбом.

– В котору сторону?

– Не знай, как тебе росказать... Наша волость – одны болота да леса. Без провожатого не суниссе.

– Ты-та знашь место?

– Родилась тут.

– Бабка, съезди с моим адъютантом, покажи дорогу – найди этого мужика... А я тут посижу, боле весь росслаб, распался... Справиссе с заданием, дак обзолочу!

Мазурик-то и смекает:

– Золотить нас не нать, а дело состряпам. Сидите, грейте тут самоварчик, мы скоро воротимся, чай пить будем.

Капитонко в платок рожу пуще замотал – да марш в царску коляску. Только в лесок заехали, эта поддельна старуха на ножку справилась, за адъютанта сграбилась да выкинула его на дорогу; вожжи подобрала, да только Капитонка и видели. А царь сидит, на столе чашки расставляют. Бедна старуха под трубой – ни гугу. На улице и темнеть стало. Царю скучно:

– Што эко самовар-от долго не кипит?

Его величество трубу снял, давай старухе уголье в рот накладывать...

Удивляется, што тако устройство. Потом сапог скинул, бабке рожу накрыл, стал уголье раздувать. Старуха со страху еле жива, загудела она, зашумела, по полу ручей побежал... Царь забегал:

– Охти мне! Самовар-от ушел, а их чай пить нету. Скорее надо заварить...

Хочет самовар на стол поставить:

– На! Где ручки-те?

Старуху за бока прижал, а та смерть шшекотки боится: она как визгнет не по-хорошему... И царь со страху сревел – да на шкап. А старуху уж смех одолел. Она из розозы вылезла.

– Ваше величество, господин амператор! Не иначе, што разбойник-от этот и был. Как он нас обоих обмакулил, омманул...

Ночью царь задами да огородами пробрался домой, да с той поры и запил, бажоной.

А Капитонко в заграницу на тройке укатил и поживат там, руки в карманах ходит, посвистывают.

Мартынка

Мартынка с артелью матросов в море ходил, и ему жира была хорошая. Хоть на работу не горазден, а песни петь да сказки врать мастер, дак все прошшали.

С англичанами, с норвежанами на пристанях толь круто лекочет, не узнать, что русский. Годы подошли, взели на военную службу. Послали караульным в стару морску крепость. Место невесело, начальство строго, навеку бедной парень эдак не подчинялся, не покорялся.

Вон оногды на часах у складов и видит: подъехали компания лодкой и учили в футбол играть. Мартына и раззадорило:

– Натэ-ко меня!

Ружье бросил и давай с ребятами кубарем летать. В это время комендантова супруга на балкон сели воздухом подышать. Ей от Мартынова пинка мяч в зубы прилетел и толь плотно сел, дак фельшер до вечера бился, добывал.

Мартынку утром суд. Перва вина, что благородной дамы в рот грезной футбол положил, втора вина – с поста убежал. На ночь замкнули в башню. Башня заброшена – хлам, пыль, крысы, паутина. Бедной арестант поплакал, полежал у порога, и захотелось ему исть. В углу стол. Не завалилось ли хоть сухаря в ящике? Дернул вытяжку, есть что-то в тряпице.

Развернул,— как огнем осветило — карт колода золотых, на них нельзя насмотреться. А в каземат часовой лезет:

– Тебе с огнем играть!!!

Тут на карты обзадорился, тут сели играть. И видит Мартышко — карты сами ходят, сами на хозяина играют. Часовой арестанту в минуту все гроши продул.

Нас бы с вами на ум, Мартына на дело: "Я этими картами жить зачну".

Часовому долг простил, выгнал его, в потемки раму вынял, железно прутье выштал да окном и выпал.

Утром арестанта хватились, а он уже в городе, в порту похаживат. В портерной иностранного кептена присмотрел, ему карты показал. Кептен ум потерял, сел с Мартыном,— не то что деньги, с себя мундир проиграл.

Мартышко говорит:

– За проигрыш перепехни меня за море на своем пароходе.

Вот Мартышко в заграничном городе разгуливат по трактирам да по пивным. Где карты явит, там люди одичают. Мартышко один с барышом. Денег стало черту на печь не закинуть. Тогда загрустил: "Мне это низко, желаю по своим капиталам в высшее общество". Заказал брюки клеш, портянки сатиновые, нанял такси:

– Вези в трактир, куда первостатейны господа ездят.

Ну, завезли в самолучшей ресторан. Зеркала до потолка, посуда, самовары, публика ослепительно одета.

"А что тако,— думат Мартыш,— нисколько не совестно за свои деньги..." — Эй, молодцы, бутылку водки!

Чтобы ловкость показать — и штопору не взял, а по-мужицки о долонь половинкой как хватит. Пробка соседке в плешь, водка соседу во что ешь...

Тотчас вся зала заверещала, налетели господа с орденами в лентах:

– Вон отсюда, невежа! Твое место под забором с бродягами распивать!..

– На свои пью, не на ваши!

– Ты понимаешь, куда забрался? Этта генералитет, а которы есть и министры, чай пить соизволяют. Король приворачиват. Этта рюмка водки рублем пахнет.

Потащили бажоного вон за шиворот. Бажонный затужил:

– Вот как! Вот как!! Набывался в высшем свете.

За прилавок зачалился, карты из-за пазухи вывернул:

– Предлагаю сразиться в картишки.

Эких карт на веку никто не видывал. Лзя ли отказаться? И проиграла почтенна публика и коней, и кореты, и одежду, и штиблеты. Мартышко ихни брюки да сертуки нафталином посыпат да в ломбард отправлят. Далее удовольился, говорит:

– Содвигай столы! Угощаю пострадавших за свой счет!

Этим генералам да профессорам все одно делать нечего. Голой домой не побежишь. У кого дома телефон, позвонили, чтобы костюм послали, у кого телефона нет,— с запиской лакея турнули, а сами сели закусить. Мартышко выпил и отмяк:

– Друзья! Наша игра не более как милая шутка. На фига мне ваши клячи да кареты. Получай обратно ломбардны квитанции. Пущай всяк при своем!

Тут хмель сборол Мартышка. Он поговорил, песенку еще спел да и растянулся на полу. Дежурной генерал с докладом к королю:

– Явился в ресторане субъект, с первого взгляду малостоющий. Выкинул на прилавок необыкновенные карты и этими картами всех до копейки обыграл. Но проигрыши не токмо простил, а и всех собравшихся самолучшим питьем и закусками удовольил.

Король говорит:

– Эта личность где сейчас?

– Где гулял, тамотки и повалился.

Король туда лично пальнул в легковом автомобиле, спрашивает лакеев:

– Где-ка гостя-то положили?

– Они сами под стол удалились.

Мартына рострясли, душетырного спирту дали понюхать, в сознание привели.

Король с им за ручку поздоровался:

– Мимо ехал – и вдруг жажда одолела, не иначе с редьки. К счастью, вспомнил про этот лесторан.

Мартынку осмелел:

– Ваше королевское величие, окажите монаршее внимание с выпитием рюмочки при надлежащей закуске.

– Ха-ха-ха! Вы в состоянии короля угощать?

Мартын сидельцу мигнул, лакеи полон стол наносили. Король сколько сам уписывают, боле в чемодан складывают:

– Деточкам сvezу гостинчика.

– Не загружайте тары эким хламом, ваше величие. Есть у нас кока с соком в чемодан ложить.

– Это вы не про карты ли?

– Имеются и карты.

Король колоду позадевал:

– Этих картов я и на всемирной выставки не видел.

Сели за зелено сукно. И проиграл король Мартыну деньги, часы, пальто, автомобиль с шофером. Тогда расстроился:

– Тошнехонько машины жалко. Летось на именины ото всей инперии поднесена...

– Ваше величие! Папаша всенародной! Это все была детская забава. Велите посторонним оставить помещение.

Король выпнул публику, заложил двери на крюк, подъехал к Мартынку. Нас бы с вами на ум. Мартына на дело. Говорит:

– Ваше велико! Держава у вас – место самое проходное. В силу вашего географического положения пароходов заграничных через вас плывет, поездов бежит, еропланов с дипломатами летит ужаси сколько. Никакому главному бухгалтеру не сосчитать, сколько через вас иностранного купечества со своима капиталами даром пролетит и проплывет... Ваше велико! Надеюсь, вы убедились, кака сила в моих картах... Поручите мне государственну печать, посадите меня в главно место и объявите, что без пропуска и штенпеля нету через вашу границу ни пароходу проходу, ни ероплану пролету, ни на машине проезду... Увидаете, что будет.

Король троекратно прокричал ура и объявил:

– Министром финансовым быть хошь?

– Велите, состоим-с!

– Завтра в обед приходи должность примать.

Отвели под Мартына семиэтажной дом, наголо окна без простенков. По всем заборам наклеили, что "через нашу державу без пропуска и министерской печати нет ни пароходу проходу, ни на ероплане пролету, ни на машине проезду".

Вот Мартын сидит в кабинете за столом, печати ставит, а ко столу очередь даже во всю лестницу.

Иностранно купечество, дипломаты – все тут. Новый министр пока штемпель ставит, свои карты будто ненароком и покажет. Какой капиталист эти карты увидал, тот и ум потерял. Не только что наличность у Мартына оставит – сколько дома есть денег, все телеграфом сюда выпишет.

Ну, Мартынкино королевство разбогатело. Сотрудникам пища пошла скусна.

Ежедень четыре выти, у каждой перемены по стакану вина. В каком прежде сукне генералы на парад сподоблялись, то сукно теперь служащи завседенно треплют.

Однако соседним государствам ужасно не понравилось, что Мартынку у них все деньги выманил. Взяли подослали тайных агентов – какой бы хитростью его потушить.

Тут приходит вот како дело рассказать. У короля была дочь Раиска. И она с первого

взгляду влюбилась в нашего прохвоста. Где Мартынку речь говорит или доклад делает, она в первом ряду сидит, мигает ему, не может налюбоваться.

Из газет, из журналов Мартынкины портреты вырезат да в альбом клеит. Уж так его абажат. А она Мартыну ни на глаза. Он ей видеть не может, бегом от ей бегат. Однажды при публике выразился:

– Эту Раиску увижу, меня так блевать и кинет!

Которые неосторожные слова прекрасно слышали тайны агенты других держав и довели до сведения Раиски... Любовь всегда слепа. Несчастлива девица думала, что ейна симпатия из-за скромности на нее не глядит. А тут, как ужасну истину узнала, нахлопала агентов по харе, также отдула неповинных фрелин и упала в обморок. Как в себя пришла, агенты говорят:

– Вот до чего довел вас этот тиран. Конечно, дело не наше, и мы этим не антиресуимся, а только напрасно ваш тятенька этого бродягу в главно место посадил. Вот дак министр с ветру наскочил! И вас своими секретами присушил.

Такого бы без суда в нужнике давно надо утопить. Но мы вас научим...

Утром получают Мартынку записку: "Дорогой министр финанцев! Пожалуйте выпить и закусить к нам на квартиру антиресуимсе каки таки у вас карты известная вам рая".

Мартынку этой Раи боится, а не идти невозможно, – что он у ней с визитом не бывал.

Только гость созвонился, агенты за ширмы, а Мартын заходит и от угошшения вежливо отказывается. Заговорили про войну, про погоду. А Раиска речь пересекла:

– Я слыхала, у вас карты есь бутто бы золоты? Я смала охвоча карты мешать.

И зачала она проигрывать деньжонки, кольца, брошки, браслетки, часики с цепочкой – все продула гостю.

Тут он домой сторопился.

– Однако поздно. На прошшанье дарю вам обратно ваши уборы. Мне-ка не нать, а вам от папы трепка.

А Раиска нахальне:

– Я бы все одно в суд подала, что у тебя карты фальшивы.

– Как это фальшивы?

Она искусственно захохотала:

– А вот эк!

Выхватила колоду да к себе под карсет.

– Докуль у меня рюмку-другу не выпьете, дотуль не отдам.

Делать нечего. Дорогой гость две-три рюмочки выкушал и пал на ковер. В графине было усыпающее зелье. Шпионы выскочили из-за ширмов, раздели сонного догола и кошелек нашли. Тело на худой кляче вывезли далеко в лес и хвоснули в овраг, куда из помойных ям вываливают.

На холоду под утром Мартын очнулся. Все вспомнил:

– О, будь ты проклята, королевнина гостьба! Куда теперь подамся, нагой, без копейки?

Како-то лохмотье вырыл, завесился и побрел лесом. Думат: "Плох я сокол, что ворона с места сбила". И видит: яблоки растут белого цвету.

– Ах, как пить охота!

Сорвал пару и съел. И заболела голова. За лоб схватился, под рукой два волдыря. И поднялись от этих волдырей два рога самосильных.

Вот дак приужахнулся бедный парень! Скакал, скакал, обломить рогов не может. Дале заплакал:

– Что на меня за беды, что на меня за напасти! Та шкура разорила, пристрамила, разболочла, яблоком объелся, рога явились, как у вепря у дикого. О, задавиться ли, утопиться?! Разве я кому надоел? Уйду от вас навеки, буду жить лучше с хичныма хехенами и со львами.

Во слезах пути-дороженьки не видит и наткнулся опять на яблоню. Тут яблочки красненьки, красивы.

– Обьистись разве да умереть во младых летах?..

Сгрыз яблоко, счавкал друго,– головы-то ловко стало. Рукой схватился и рога, как шапочку, сронил. Все тело согрелось, сердце звеселилось и напахнула така молодось, дак Мартын на голове ходить годен. Нас бы с вами на ум. Мартына на дело: этих красных молодильных яблоков нарвал, воротился на старо место, рогатых яблоков натряс, склал за пазуху и побежал из лесу.

Дорога в город повела, а Мартынок раздумался: "В эдаких трепках мне там нельзя показаться. В полицу заберут".

А по пути деревня, с краю домик небольшой – и старуха кривобока крыльцо пашет. Мартынок так умильно:

– Бабушка, дозвольте в ызбу затти обогреться. Не бойтесь этих ремков, меня бродяги ночесь раздели.

Старуха видит: парень хоть рваной, а на мазурика не похож – и запустила в кухню. Мартынок подает ей молодильного яблока:

– Баба, на-ко съешь!

Баба доверилась и съела.

– Парень, чем ты меня накормил, будто я вина испила?

Она была худа, морщевата, рот ямой; стала хороша, гладка, румяна.

– Эта я ли? Молодец, как ты меня эку сделал? Мне ведь вам нечем платить-то!

– Любезна моя, денег не надо. А нет ли костюма на мой рост – мужнева ли, братнева ли? Видишь, я наг сижу.

– Есь, дитетко, есь!

Отомкнула сундук.

– Это сынишка моего одежонка. Хоть все понеси, андел мой, благодетель!..

Оболокайся, я самоварчик согрею.

Мартыну гостить некогда. Одедся в простеньку троечку и в худеньки щиблеты, написал на губы усы, склал свои бесценны яблоки в коробок и пошел в город.

У Раискиных ворот увидел ейну стару фрелину:

– Яблочков не прикажете-с?

– Верно, кисляшши.

– Разрешите вас угостить.

Подад молодильного. Старой девки лестно с кавалером постоять. Яблоко на обе шшоки лижот. И кряду стала толста, красна, красива. Забыла спасибо сказать, полетела к королевны:

– Раичка, я-та кака!

– Машка, ты ли? Почто эка?

– Мушшина черноусой яблочком угостили. Верно, с этого... У их полна коробка.

– Бежи, ростыка, догоняй. Я куплю, скажи: королевна дорого даст!

Мартынка того и ждал. Завернул пару рогатых, подает этой Машки:

– Это для барыни. Высший сорт. Пушшай едят на здоровье. За деньжонками потом зайду.

Раиска у себя в спальны зеркалов наставила, хедричество зажгла, стала яблоки хряпать:

– Вот чичас буду моложе ставать, вот чичас сделаюсь тельна, да румяна, да красавица...

Ест яблоко и в зеркало здрит и видит – на лбу поднелись две росохи и стали матеры, и выросли у королевны рога долги, кривы, кабыть оленьи.

Ну, уж эту ночку в дому не спали. Рога те и пилой пилили, и в стену она бодалась – все без пользы. Как в зеркало зглянет, так ей в омморок и бросат. Утром отправили телеграмму папаше, переимали всех яблочных торговцев, послали по лекарей.

Нас бы с вами на ум. Мартына на дело: наклеил бороду, написал морщины, наложил очки. Срядился эким профессором и с узелочком звонится у королевной квартиры:

– Не здесь ли больная?

– Здесь, здесь!

Раиска лежит на постели, рошшеперя лапы, и рога на лямках подвешаны. Наш дохтур пошшупал пуп – на месте ли, спросил, сколько раз до ветру ходила, и были ле дети, и были ле родители, и не сумашеччи ле были, и папа пьюшшой ле, и кака пинтература?

Также потребовал молоток, полчаса в пятки и в темя колотил и дышать не велел. Тогда говорит:

– Это вполне научное явление с рогами. Дайте больной съись два куска мыла и ташшыте в баню на снимок.

Она ела-ела, тогда заревела:

– О, беда, беда! Не хочу боле лечицца-а! Лучче бы меня на меленки смололи-и, на глину сожгали, на мыло сварили-и!

Тут Мартын выгонил всех вон и приступил накоротки:

– Я по своей практике вижу, что за некотору подлось вам эта болесь!

– Знать ничего не знаю, ведать не ведаю.

Тогда добрый лекарь, за рога ухвата, зачал ей драть ремнем:

– Признавайся, дура, не обидела ле кого, не обокрала ле кого?!

– О, виновата, тепере виновата!

– В чем виновата?

– У тятенькиного министра карты высадила.

– Куда запехала?

– Под комод.

Мартын нашел карты. Достал молодильные яблоки:

– Ешь эти яблоки!

– О, боюсь, боюсь!

– Ешь, тигра рогатая!

Она яблоко съела, – рога обмякли и отпали; друго съела – красавица стала.

Была черна, суха, стала больша, красна, налита! Мартынка взглянул, и сердце у него задрожало. Конечно, против экой красоты кто же устоит! Глядел, глядел, дале выговорил:

– Соблаговолите шайку воды.

Подала. Он бороду и краску смыл. Раиса узнала, – где стояла, тут и села.

Мартынка ей:

– Рая, понапрасну вы на меня гору каменну несли. Это я из-за многих хлопот не поспел вас тогда высмотреть, а тепериче страстно абажаю.

Дальше нечего и сказывать. Свадьба пошла у Мартынка да у Раиски. Песни запели, в гармонь заиграли.

Вот и живут. Мартынка всех в карты обыгрыват, докуль этих карт не украдут.

Ну, а украдут, опять и выпнут Мартына.